

Г.Г. Гаврилин, Л.Г. Шпиц

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются проблемы обеспечения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту на практике Алтайского региона. Авторы предлагают создать дополнительные гарантии реализации этого права путем внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, предусматривающих возложение обязанности на органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, собирать доказательства, опровергающие или смягчающие обвинение.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная защита, защитник, доказывание, право на защиту.*

Положения ст. 49 УПК РФ закрепляют процессуальный статус защитника в уголовном процессе как лица, осуществляющего защиту интересов обвиняемого или подозреваемого в ходе предварительного расследования и/или судебного разбирательства. Реализация прав защитника и лица, вовлекаемого в орбиту уголовного судопроизводства, закреплена в положениях соответствующих частей ст. 15, 16, 47, 49, 53, 86 УПК РФ.

Адвокат (защитник), в отличие от своего подзащитного, обязан осуществлять все необходимые юридические действия в рамках УПК РФ для его защиты и активно участвовать в доказывании по уголовному делу. Именно активная позиция защитника приводит к установлению следствием или судом обстоятельств, которые способны опровергнуть выводы следствия или смягчить ответственность обвиняемого.

Как правило, в ходе осуществления следственных действий защитник в соответствии с законом активно участвует в формулировании вопросов, дополнительных к заданным следователем, подает заявления и ходатайства о производстве дополнительных следственных действий, включая ходатайства о производстве необходимых экспертиз или формулирование дополнительных (уточняющих) вопросов, поставленных следователем на разрешение экспертов [1, с. 36; 2, с. 160].

Однако в практике уголовных дел защитник сталкивается с противодействием со стороны обвинения сборанию и процессуальному закреплению доказательств, появление которых может опровергнуть выводы стороны обвинения. При этом действующий процессуальный закон реально не обеспечивает состязательность сторон в уголовном процессе.

Закрепленный в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности, по сути, по-прежнему носит больше декларативный характер [3, с. 5; 4, с. 33]. Указанная статья не обеспечивает реального права защитника реализовать свои права в современных условиях действующего уголовного судопроизводства, особенно на его досудебных стадиях.

Проблема, на наш взгляд, заключается в неудачной редакции ст. 15 и ст. 38 УПК РФ и в отсутствии однозначной трактовки положений Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», которые

бы накладывали на прокуратуру обязанность надзирать за соблюдением стороной обвинения (следствием) права защитника на сборание и процессуальное закрепление доказательств в защиту лица, в отношении которого осуществляются процессуальные действия. Речь идет даже не об одинаковой реализации прав защитника и стороны обвинения, а хотя бы о реальном обеспечении такого права.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 13-П от 29.06.2004 г. разъяснил, что положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ не освобождают участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения при расследовании преступлений и судебном разбирательстве от конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе и от незаконного и необоснованного обвинения осуждения и иного ограничения прав и свобод.

Практически повсеместное уклонение следствия от каких-либо действий по сборанию доказательств, о которых ходатайствует обвиняемый или его защитник, привело к тому, что принцип состязательности не реализуется, поскольку и суд может не принять в качестве доказательств то, что собрано защитой. Это, как правило, справки, характеристики, документы, опросы (согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ) дополнительных свидетелей. Что же касается собирания и закрепления таких объективных доказательств, как экспертные исследования, заключения специалистов, дополнительный осмотр места происшествия и др., то здесь правило о равенстве возможностей сторон защиты и обвинения не соблюдается.

При этом реальные права защитника или его подзащитного на осуществление защиты от незаконного или необоснованного уголовного преследования за последнее десятилетие существенно не изменились. Законодатель до настоящего времени не внес необходимых поправок и изменений в действующий УПК РФ для практической возможности реализации прав стороны защиты, особенно на стадии предварительного расследования. В частности, не изменена редакция положений ст.ст. 15 и 38 УПК РФ.

К чему приводит на практике отсутствие в УПК РФ положений, направленных на реальное обеспечение прав защитника и обеспечивающих состязательность сторон как на следствии, так и в суде,

можно продемонстрировать на многочисленных примерах. Так, в производство одного из районного суда Алтайского края поступило уголовное дело № 313067 по обвинению руководителя сельхозпредприятия в незаконном использовании хозяйством государственных субсидий, т.е. в совершении преступления по ч. 3 ст. 159 УПК РФ.

Дело содержало не только целый ряд постановлений следователя об отказе защите в осуществлении дополнительных следственных действий, в том числе и по производству экспертиз, но и процессуальное нарушение – отсутствие постановления следователя об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства, поданного в порядке ст. 217 УПК РФ. Кроме того, с точки зрения защитника, в данном деле требовалось устранить неполноту экспертного заключения (судебно-бухгалтерской экспертизы), так как эксперту не предоставили все материалы уголовного дела, как следствие осуществление законного права подзащитного на предоставление суду заключения с учетом полноты всех юридически важных обстоятельств по делу стало невозможным. Норма процессуального права, реально не закрепляющая принцип состязательности сторон в отечественном правосудии, не работает независимо от характера выявленного правонарушения. Это привело к тому, что даже суды при судебном разбирательстве по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК РФ, порой пренебрегают необходимостью обеспечения заявителю реальной, а не декларативной возможности собирания и предоставления доказательств. Один показательный пример. Октябрьский районный суд г. Барнаула в 2014 году отказал заявителю гражданину К. в удовлетворении поданной им жалобы на действия сотрудников ОБЭП УМВД России по г. Барнаулу по изъятию имущества в магазине предпринимателя. Из содержания осуществленных действий усматривалось, что действия были проведены в рамках Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». Изъятие производилось в присутствии свидетелей и при наличии средств видеofиксации, которые как доказательства заявитель просил исследовать в судебном заседании. Кроме того, вследствие активного воспрепятствования бездокументарному изъятию денег и имущества у заявителя последний впоследствии был подвергнут административному наказанию по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. По итогам осуществленного этого гласного оперативно-розыскного мероприятия никаких копий документов, в том числе акта об изъятии или протокола, заявителю вручено не было, а было оформлено все, как позже выяснилось в суде, протоколом осмотра места происшествия. При судебном разбирательстве в просмотре видеоматериалов, в заслушивании свидетелей-очевидцев происшествия заявителю было отказано и соответственно итогом стал отказ в удовлетворении жалобы. Прошло 10 месяцев. Ни имущества, ни денег, ни документа по факту осуществленных действий, ни процессуального решения до настоящего времени у гражда-

нина К. нет. Примечательно, что и судья апелляционной инстанции Алтайского краевого суда не усмотрела каких-либо нарушений как в обжалуемых действиях сотрудников, так и в постановлении Октябрьского районного суда, в связи с чем в настоящее время подана кассационная жалоба.

Между тем право обвиняемого заявлять ходатайства и представлять доказательства закреплено в положениях подп. 4 и 5 п. 4 ст. 47 УПК РФ. А выполнение следствием и прокурором требований ч. 4 ст. 217 УПК РФ является обязательным процессуальным действием (в силу положений ч. 1 ст. 74, ст. 73 УПК РФ), необходимым для составления обвинительного заключения. По делу, приведенному в качестве первого примера, помимо отмеченных нарушений, следствие оставило без какой-либо правовой оценки собранные защитником вещественные доказательства, приобщенные к материалам уголовного дела. Отмеченные нарушения объективно указывают на ущербность предъявленного обвинения и очевидную необходимость возвращения прокурором материалов дела следствию. Но прокурор Т. района не усмотрел в действиях следствия нарушения ст. 7 УПК РФ на реализацию прав обвиняемого, заявив при этом, что разрешение ходатайства возможно и в ходе судебного разбирательства, и это при том, что в силу положений ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования и не может выступать на стороне обвинения или защиты.

Проведенный анализ ряда других уголовных дел также свидетельствует, что органы российской прокуратуры, призванные в силу положений ст. ст. 29 и 30 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» осуществлять надзор за законностью при производстве следствия на всех стадиях предварительного расследования, устраняются, как правило, от надзора за соблюдением следователями обязанностей по собиранию и процессуальному закреплению доказательств в защиту лица, привлекаемого к уголовной ответственности, ссылаясь при этом на формальную редакцию ст. 38 УПК РФ, прямо не возлагающую обязанность на следователя собирать доказательства или совершать процессуальные действия в защиту лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Представляется, что следует внести следующие поправки в ст. 15 и ст. 38 УПК РФ. Часть 2 ст. 15 УПК РФ после слов: «...и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» дополнить следующим содержанием: «...за исключением действий, осуществляемых для обеспечения соблюдения конституционного принципа состязательности сторон уголовного судопроизводства».

Подпункт 6 п. 2 ст. 38 УПК РФ после слов: «...предусмотренных настоящим Кодексом» дополнить: «...в том числе по обеспечению реализации прав на собирание и процессуальное закрепление доказательств в защиту лиц, привлекаемых к уголовной ответственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясельская В.В. Пути повышения эффективности участия защитника на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. № 2 (4). 2014. С. 34–39.
2. Ясельская В.В. Использование в процессе доказывания сведений, полученных защитником // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. В.Д. Филимонова, М.К. Свиридова, Н.Т. Ведерникова. Томск: ДиВо, 2007. С. 159–161.
3. Воронин О.В. О состязательности в стадии исполнения приговора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2010. № 1. С. 53–58.
4. Пиюк А.В. Собираение доказательств защитником – декларация или реальность? // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 32–35.

ON THE DEFENDER'S RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Russian Journal of Criminal Law, 2015, no. 2(6), pp. 20–22. DOI 10.17223/23088451/6/4

Gavrilin Gennadiy G., Altai State Bar Association (Barnaul, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Shpits Leonid G., Chamber of Advocates of the Altai Territory (Barnaul, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: criminal procedural defense, defender, proof, the right to defense.

The article deals with the problem of ensuring the defendant's (suspect's) right to defense in the court practice of the Altai Territory. The authors propose to create additional guarantees for the implementation of this right by amending the Criminal Procedure Act, so that the bodies and officials conducting criminal proceedings are made responsible for collecting evidence to rebut or mitigate the accusation.

The provisions of Article 49 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure enshrine the defender's procedural status in the criminal proceedings as that of the person engaged in the defendant's (suspect's) defense in the preliminary investigation and/or trial. The implementation of the rights of the defender and the person involved in the criminal proceedings are stated in the provisions of the relevant parts of Art. 15, 16, 47, 49, 53, and 86 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure.

The lawyer (defender), unlike their client, is obliged to carry out all the necessary legal actions under the Russian Federation Code of Criminal Procedure to protect the defendant and take an active part in proving the criminal case. It is an active defender's position that helps the investigation or court to establish the circumstances that can rebut the conclusions made by the investigation or mitigate the defendant's responsibility.

As a rule, in the course of the investigation, the defender, in accordance with the law, is actively involved in the formulation of questions, additional to those asked by the investigator, submits applications for additional investigatory actions, including the application for the necessary expertise or the formulation of additional (clarifying) questions raised by the investigator for the expert to decide.

However, in practice the defender can face the counteraction from the prosecution bodies, the latter demonstrating resistant to the collection and consolidation of evidence that may refute the prosecution. The present procedural law fails to provide the adversarial character in criminal proceedings.

In fact, the adversarial principles, stated in Art. 15 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, is still more of a declarative nature. The above-mentioned article does not provide the defender with the right to exercise their rights in the present criminal proceedings, particularly in its pre-trial stages.

The problem stems from an imperfect version of Art. 15 and 38 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure and from an ambiguous interpretation of the provisions of the Federal Law "On the Russian Federation Prosecutor's Office, while the definitive interpretation would make the prosecutor's office responsible for supervision of by the prosecution (investigation) bodies of the defender's right to collect and procedurally preserve the evidence in support of a person under investigation. It is necessary to provide for such rights, much less to make them equal to those of the prosecution.

REFERENCES

1. Yaselskaya, V.V. (2014) The ways to improve the participation of the defender in the preliminary investigation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(4). pp. 34-39. (In Russian).
2. Yaselskaya, V.V. (2007) Ispol'zovanie v protsesse dokazyvaniya svedeniy, poluchennykh zashchitnikom [Using the data received by the defender in proving]. In: Filimonova, V.D., Sviridov, M.K. & Vedernikov, N.T. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Tomsk: DiVo. pp. 159-161.
3. Voronin, O.V. (2010) About adversarial approach in the execution of the sentence. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Yuridicheskie nauki*. 1. pp. 53-58. (In Russian).
4. Piyuk, A.V. (2010) Collection of evidence by the defense counsel – declaration or reality? *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 32-35. (In Russian).